

М. Ю. Дронов

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ РУСОФИЛЬСТВА В НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РУСИНОВ СЛОВАКИИ В XX СТОЛЕТИИ

В самом начале нашего краткого исторического эссе следует отметить главные сложности, которые возникают при обращении к теме так называемого русофильства в русинской¹ среде (как, впрочем, и среди других невеликорусских групп восточного славянства).

Во-первых, сам термин *русофильство* применительно к русинам, как правило, понимается совершенно иначе, чем в случае, когда речь заходит, например, о симпатизирующих русским и их культуре немцах, французах или даже западных и южных славянах. Последние, хотя и акцентировали свое положительное отношение к русскому народу, все же не отождествляли себя с ним. Напротив, именно такое отождествление имело место быть у русофильски ориентированных русинов. При этом, конечно же, когда речь идет о русинах, слово *русофильство* вполне применимо так же и в общепризнанном значении. Особенно это актуально в наши дни, когда среди русинов представлены в основном одни русинофилы и украинофилы (здесь: по аналогии со специфичным русинским русофильством). Данное обстоятельство

¹ Этноним *русин* и производные от него мы используем исключительно как *terminus tehnicus* для условного обозначения конкретного сегмента восточнославянского этноязыкового массива, вне зависимости от того, к какой конкретно национальности причисляет себя тот или иной человек. При этом, учитывая распространенность указанного этнонима в разные периоды на весьма обширных восточнославянских территориях (в том числе далеких от Карпатского региона), мы руководствуемся теми границами ареала расселения русинов, которые приняты в современной русинистике (см. карту: *Magocsi P. R. Carpatho-Rusyn settlement at the Outset of the 20th century with additional data from 1881 and 1806*. Мапа розселення Карпатських Русинів на зачатку ХХ століття з далшыми даними з 1881-го і 1806-го року. Orwell, Verm., 1996; 1998). Принимая настоящую терминологию, мы в то же время ни в коем случае не посягаем на навязывание тем из потенциальных русинов в нашем понимании, кто сам не относит себя к русинам, русинского или какого бы то ни было другого национального самосознания.

приводит к выводу об очевидном несовершенстве терминологического аппарата, относящегося к области национально-языковых ориентаций русинов. Поэтому для русинского случая мы предлагаем использовать более точные, на наш взгляд, термины *этнонациональное русофильство*, *этнонациональное украинофильство*, *этнонациональное русинофильство*. Учитывая, что в рамках нашей статьи речь идет исключительно об этих формах русофильства, украинофильства и русинофильства, далее мы уже не прибегаем к подобной, в целом крайне необходимой, конкретизации.

Во-вторых, значительная часть современников, в том числе и ученых, вольно или невольно следует наиболее распространенным в обществе представлениям, придерживаясь примордиалистического понимания этноса. Следовательно, они заранее признают в качестве единственно правильной какую-то одну национально-языковую ориентацию и отказывают в легитимности остальным направлениям, таким образом, безапелляционно трактуя всех без исключения русинов исключительно либо как русинов, либо как украинцев, в старых работах — как русских². Группы русинского населения, разделяющие и не разделяющие позиции подобных авторов, нередко снабжаются такими определениями, как «сознательные» и «несознательные». Учитывая то, что в условиях современности продолжают серьезную конкуренцию лишь русинофильство и украинофильство, большая часть оценок русофильства незаслуженно носит отчетливо негативный характер, представляя последнее как совершенно искусственную, лишнюю почвы и чуть ли не права на существование концепцию.

Приведем несколько типичных примеров подобного мышления: «Пряшівщина, завдяки політичним умовам, стала останньою фортецею русофільства та політичного русинізму, які дуже гальмували національне відродження української людності та сприяли її денационалізації»³. Или: «...весь російський мовний напрям був штучний та базований на “москвофільській” ідеології. Ці автори вірили, що проти мадяризації та асиміляції тільки мова великого російського народу може захоронити українське населення Закарпаття»⁴. Можно привести еще одну цитату:

«Він (местный литератор Иван Мацынский (1922–1987). — М. Д.) завжди був русином... тільки в залежності від загальних культурно-політичних й ідеологічних обставин, він одного разу декларував себе росіянином, іншого разу — українцем. Це торкається не лише І. Мацынського, але й інших поетів і письменників Пряшівщини, які колись починали писати по-російськи й голосилися до російської національності, але пізніше засвоїли собі українську літературну мову, стали писати по-українськи й назвали себе українцями... Ці люди народилися русинами, їх національний код є русинський»⁵.

В-третьих, наши современники, пытаясь разграничить национально-языковые позиции русинских деятелей прошлого, иногда вкладывают в их описание свое соб-

² Напомним, что, в отличие от описанного подхода, руководствуясь стремлением к исследовательской беспристрастности, мы сами используем здесь термин *русин* лишь как *terminus tehnicus*.

³ *Сірка Й.* Розвиток національної свідомості лемків Пряшівщини у світлі української художньої літератури Чехословаччини. Мюнхен, 1980. С. 14.

⁴ *Баран О.* Історія південної Лемківщини від 1867 до 1982 р. // Лемківщина. Земля–люди–історія–культура. Нью-Йорк; Париж; Сідней; Торонто, 1988. Т. I. С. 334–335.

⁵ *Хома В.* Розвиток русинської поезії в Словаччині від 20-х до 90-х років ХХ століття (Нарис історії з портретами поетів). Братіслава, 2000. С. 355–356.

ственное понимание разделения русофильства, украинофильства и русинофильства, основанное на их полном взаимоисключении. Тем самым забывается изначальная схематичность указанных идеальных типов, которых явно не хватает для передачи всех переливов и оттенков взглядов конкретных персоналий. При этом отмечается тенденция обязательно отнести того или иного деятеля к одной из групп, например, к русофилам или русинофилам. На практике же сделать это порой просто невозможно, так как отдельные деятели могли сочетать, например, русскую и карпаторусскую (часто приравниваемую к русинской) идентичности. Поэтому отнесение к той или иной ориентации объясняется убеждениями и симпатиями современного автора или же господствующими в обществе стереотипами.

В-четвертых, опять-таки следуя стереотипам (возникшим, очевидно, давно), некоторые современные исследователи наивно полагают, что русофилы относили себя к великорусскому, то есть русскому в нынешнем смысле слова народу. В действительности они являлись сторонниками концепции, получившей в российской историографии названия *общерусский проект* или *проект большой русской нации*⁶. Последний распространял свое внимание на всех восточных славян. Таким образом, налицо ошибочное отождествление великорусского и великого русского. Хотя, конечно же, сложно отрицать, что все великорусское чаще всего принималось русофилами за эталон русскости⁷.

* * *

Как можно было понять из сделанных замечаний, мы соглашаемся с направлением мысли Павла Роберта Магочия, утверждающего, что южнокарпатские, а следова-

⁶ См., например, работы одного из ведущих специалистов в этой области А. И. Миллера: *Миллер А. И.* 1) «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). М., 2000; 2) Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.

⁷ Крайне интересным примером в связи с третьим и четвертым замечаниями является личность епископа Павла Петра Гойдича, Орден Святого Василия Великого (1888–1960). Не касаясь его возможного перехода в конце жизни на украинофильские позиции (см. *Potaš M., OSBM. Dar lásky. Spomienky na biskupa Pavla Gojdiča, OSBM. Prešov, 1999. S. 353. Príloha č. 19*), полезно обратить внимание на трактовку известного высказывания епископа, сделанного им в 1927 г. В ранних источниках оно, как правило, передается следующим образом: «Ja nie som Veľkorus, ani Ukrajinec. Ja som Rusín, ktorý chcem tuhá žiť i zomrieť» (Štátny archív v Prešove, fond Odbočka Ústrednej štátnej bezpečnosti pri Policajnom riaditeľstve v Prešove 1938–1945, kat. č. 1477. Kópia hlásenia vládneho radcu a policajného riaditeľa veliteľstvu 2. divízie dňa 18. februára 1941). Принимая во внимание произошедшие в течение XX в. этнонимические изменения, современные авторы предпочитают заменять в этой цитате слово *Veľkorus* на *Rus* (см., например: *Banam I.* Нариси новітньої історії українців Східної Словаччини. Кн. 1 (1918–1938). Пряшів, 1979. С. 188; *Havaksim L.* Etnodiferenciačný proces v gréckokatolíckej cirkvi na východnom Slovensku // *Historický zborník* 11. 2001. Č. 1. S. 39; организация «Русинская оброда в Словакии» даже выпустила карманные календари на 2002 г. с изображением Гойдича и следующей формой цитаты: «...nie som Rus a nie som Ukrajinec, som Rusín...»). Однако корректировка этой маленькой детали кардинально меняет смысл слов епископа. Поскольку, согласно представлениям начала XX в., можно было сочетать региональные идентичности с широкой русской, высказывание Гойдича отнюдь не опровергает возможную русскость русинов. К слову, в противном случае становятся совершенно бессмысленными следующие гойдичевские цитаты, относящиеся к хронологически достаточно близким 1930 и 1934 гг.: «Naučte jeho (русина. — М. Д.) počítati čužoje, ale iz ciloho serdca ľubiti svoje; naj ne haňbit'sja naš Rusin pro svoju rusku besidu i narodnosť, no v svidomosti svojej príнадлежності do najboľšoho naroda, hordo naj podneset svoju holovu pred svetlom» (Slovo episkopa Gojdiča. Výber z publikovaného dedičstva blahoslaveného biskupa Pavla Gojdiča. Editor J. Birčák. Prešov, 2004. S. 49); «...my svidomi tomu, čo my časť najboľšaho slavjanskaho naroda» (Ibid. S. 148). Поэтому, если мы именуем этого деятеля русинофилом, это совсем не противоречит параллельному отнесению его к русофилам (пускай и с необходимыми оговорками).

тельно в том числе и словацкие, русины «могли консолидироваться у цілком незалежну національність або ж могли злитися з угорською, словацькою, українською чи російською національностями»⁸. Естественно, вслед за крупным западным исследователем национализма Энтони Смитом и его российским коллегой Алексеем Миллером, сложно не признать, что этнические и культурные характеристики населения, которое становится объектом соперничества различных национальных активистов, существенно влияют на их концепции и ход борьбы⁹. «Місцевим ідеологам ніколи б не вдалося переконати підкарпатських (здесь: южнокарпатских. — М. Д.) русинів, що вони повинні стати французами, ірландцями чи китайцями. І все ж перед ними поставлено кілька поважних варіантів», — прекрасно иллюстрирует этот тезис на русинском материале П. Р. Магочий. Принимая во внимание сказанное, русофильство, как минимум, не является ничем из ряда вон выходящим по сравнению с несколькими другими предлагавшимися возможностями.

Так или иначе, русофильство апеллировало к традиционным русинским этноконфессиональным представлениям. Однако, в отличие от географически плохо определенной донациональной — также «русской» — идентичности, тесно связанной с восточной церковью (или обрядом), предлагавшаяся русофильством русскость конкретизировала ареал расселения русского народа — от Попрада до Владивостока¹⁰. Собственным литературным языком признавался русский язык (при этом имелись различные взгляды на возможность дополнительного использования в литературных целях карпатских диалектов или заимствований из них). Народная речь понималась как диалекты русского языка, что, с учетом их общих древнерусских корней, а также проводившихся параллелей, например, с немецким языковым массивом, воспринималось весьма логично. В качестве основного эндоэтнонима признавалось название *русские* (в единственном числе *русский*, *русская*), который преподносился как синоним (и только у наиболее радикальных русофилов — обязательная замена) основных русинских этнонимов (*руснак*, *русин*). Вопреки распространенному мнению о важности количества букв *с* и наличия или отсутствия мягкого знака в слове *русский*, на практике эта деталь не всегда имела то универсальное разграничительное значение, которое ей традиционно приписывается украинскими авторами.

В литературе (особенно в текстах оппонентов русофильской идеологии) можно встретить утверждения о том, что русофильство распространилось у южнокарпатских русинов якобы только после «Весны народов» и Венгерского похода русской армии 1849 г.¹¹ Однако, очевидно, что это не так. Например, переселившийся из Угорской Руси в Российскую империю Иван Орлай (1770–1829) еще в 1804 г. опубликов-

⁸ Магочий П. Р. Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948) / Авторизований переклад з англійської. Ужгород, 1994. С. 15.

⁹ Миллер А. И. «Украинский вопрос»... С. 12–13.

¹⁰ В данной связи приводились разнообразные формулы — «от Русского Потока (скорее это правый приток реки Дунаец, ныне Грайцарек, нежели расположенное гораздо восточнее русинское село в Земплине. — М. Д.) до Владивостока», «от Карпат до Тихого океана» и т. п.

¹¹ См., например: Біленькій [Стрипський Г.] Старша руська письменність на Угорщині // Удварі І. Зберька жерел про студії русинського писемства. III. Гіадор Стрипський, народописник, бібліограф, лінгвіст, тоvmач. Ніредьгаза, 2007. (Studia Ukrainica et Rusinica Nyiregyháziensia. Vol. 21). С. 66; Гнатюк В. В справі літературної мови підкарпатських русинів // Науковий збірник Музею української культури Свидник. Пряшів, 1967. Т. 3. Присвячений пам'яті Володимира Гнатюка. С. 20.

вал в «Северном Вестнике» работу «История о Карпато-Россах, или о переселении Россиян в Карпатские горы и о приключениях, с ними случившихся», в которой, как следует даже из названия, русины причисляются к россиянам.

Сходное национальное кредо в 1805 г. высказал цензор славянских книг в Буде, впоследствии первый епископ Пряшевской епархии, Григорий Таркович (1754–1841), опубликовав оду, в которой выражались идеи восточнославянского единства и высказывались похвалы в адрес кодификаторов русского языка А. П. Сумарокова и М. В. Ломоносова. Подобным образом на заре своей литературной карьеры, в конце 20-х гг. XIX в., размышлял и главный будитель угорских русинов Александр Духнович (1803–1865)¹². Целая серия еще более ранних и менее известных местных примеров русофильства приводится в работе галицкого литературоведа Юлиана Яворского (1873–1937) «Национальное самосознание карпаторуссов на рубеже XVIII–XIX веков»¹³.

Ко второй половине позапрошлого столетия русофильство стало обычным явлением среди немногочисленной русинской интеллигенции, греко-католического духовенства и учительства, постепенно начиная проникать и в народные массы, подготовленные к нему благодаря непосредственному знакомству с проходившей через регион русской армией¹⁴. Механизмы русинского народного русофильства тонко уловил П. Р. Магочий:

«...слід, однак, зауважити, що все, пов'язане з Росією, мало незнищений вплив на підкарпатське життя (здесь: в целом южнокарпатскую жизнь. — М. Д.). Вирішальною була сама назва “Русь”. Для підкарпатських русинів Русь стала символом їх самих, їхнього роду, села, батьківщини. ... Внаслідок цього попри географічну віддаленість і лінгвістичні відмінності Росія підкарпатцям видавалася ближчою — саме тому, що російська цивілізація так чи інакше активно підтримувала тезу про єдину Русь»¹⁵.

О распространении русской идентичности красноречиво свидетельствуют тогдашние литературные опыты русинов. Так, например, будитель Юлий Ставровский-Попрадов (1850–1899) прямо назвал одно из своих стихотворений, написанное в 1871 г., «Я русский!»¹⁶ Примечательно, что, даже советский литературовед Н. В. Водовозов (1902–1977) в известной статье «Русские писатели в Чехословакии» (1962), игнорируя советскую официальную трактовку русинов как украинцев, рассматривает местных литераторов этого периода именно как русских писателей¹⁷.

Очевидно, мадьяризация первоначально косвенно способствовала распространению среди части русинов русофильства, а как следствие — и русской идентичности. В то же время расцвет мадьяризации во второй половине XIX – начале XX вв. заметно притормозил экспансию русофильской идеологии.

* * *

Страницы истории русофильства у русинов Словакии в XX в. сравнительно подробно описаны, хотя, наверно, все же еще не досконально изучены. Именно

¹² Магочий П. Р. Формування національної самосвідомості. С. 26–27.

¹³ Яворский Ю. А. Национальное самосознание карпаторуссов на рубеже XVIII–XIX веков // Приложение к «Карпатскому Свету». Ужгород, 1929. Вып. 62. С. 2.

¹⁴ О влиянии похода 1849 г. на южнокарпатских русинов см.: Панас И. О. Карпаторусские отзвуки русского похода в Венгрию в 1849 г. // Карпаторусский сборник. Ужгород, 1930. С. 209–229.

¹⁵ Магочий П. Р. Формування національної самосвідомості. С. 166.

¹⁶ См. в кн.: Рудловчак О. Ю. Ставровський-Попрадов. Життя, творчість, твори. Пряшів, 1984. С. 98.

¹⁷ Водовозов Н. В. Русские писатели в Чехословакии // УЗ МГПИ. 1962. № 178. Русская литература и народное творчество. С. 196–203.

русифильство (пускай и с различными акцентами) являлось здесь господствующей национально-языковой ориентацией и в течение межвоенных десятилетий, и в непростой для русинского меньшинства период первой Словацкой Республики, и в первые послевоенные годы. Более того, если ориентироваться на степень популярности русифильской концепции в массах, несложно сделать вывод о том, что словацкие русины заметно опережали своих собратьев в соседней Подкарпатской Руси (позднее Закарпатской области Украины).

Ведущей национально-культурной организацией в 20–30-е гг. являлось Русское культурно-просветительное общество имени А. Духновича¹⁸. В границах Словакии у него насчитывалось 37 читален (многие из которых имели собственные музыкальные и театральные группы). Организации покровительствовала Пряшевская греко-католическая епархия. Традиционно конкурировавшая с «духновичовцами» украинофильская «Просвіта» практически не имела здесь сельских филиалов¹⁹. Кроме указанного общества в регионе действовали многочисленные другие, «русские» или «карпаторусские» по названию, организации: Объединение русской молодежи на Словакии, Союз русских жен и т. п. Крайне популярными в Восточной Словакии были так называемые Дни русской культуры, сближавшие местное русинское население и русскую эмиграцию²⁰.

По-русски (или на более или менее приближенном к русскому языке) выходили такие издания как «Народная газета», «Православная Карпатская Русь», «Русский земледелец», «Русское слово», «Церковь и школа» и др. Лишь одна-единственная местная газета, «Слово народа», придерживалась украинофильской ориентации²¹.

Начиная с 1927 г. русский язык по известной грамматике под редакцией Е. Сабова стал официальным языком преподавания во всех школах Пряшевской греко-католической епархии²². В 1936 г. в Пряшеве открыла свои двери для русинских детей Русская гимназия²³.

Период Словацкого государства, как известно, несколько ограничил национально-культурную жизнь русинского меньшинства. Однако «духновичовцам» все же было позволено продолжить свою работу. Интересно, что, несмотря на войну с СССР, в Пряшеве продолжали выходить как сочинения местных русифилов, так и про-

¹⁸ Хотя, как известно, пряшевская «централа» этого общества, в отличие от ужгородских коллег, делала гораздо больший акцент на местной («карпаторусской»), а не на общевосточнославянской культуре, нет причин, чтобы совсем не считать его русифильским. Несмотря на уже сложившуюся традицию противопоставлять взгляды восточнословацких и подкарпаторусских «духновичовцев», как русинофилов («ту-тешняков») и русифилов, мы согласны с российским исследователем К. В. Шевченко, по мнению которого «представители и того, и другого направления поддерживали местные традиции и существующие языковые нормы, отличаясь лишь в расстановке акцентов» (*Шевченко К. В. Русины и межвоенная Чехословакия. К истории этнокультурной инженерии. М., 2006. С. 196*).

¹⁹ *Магочій П. Р. Русины на Словенську. Пряшов, 1994. С. 42.*

²⁰ Подробнее см.: *Дронов М. Традиция Дней русской культуры на Пряшевщине (20–40-е гг. XX ст.) // Слов'янські обрії: Міждисциплінарний збірник наукових праць. Київ, 2006. Вип. 1. С. 309–315.*

²¹ См. об этом: *Штець М. Газета «Слово народа» в боротьбі за українську мову в Східній Словаччині на початку 30-х рр. // Науковий збірник Музею української культури в Свиднику. Пряшів, 1967. Т. 3. С. 329–340; Шеленець Й. Слово народа. Prešov, 2000.*

²² *Slovo episkopa Gojdiča... S. 96.*

²³ Подробнее см.: *Mušinka M. Od Ruského gymnázia k spojenej škole Tarasa Ševčenka // Українська (Руська) гімназія. 70 років. Ukrajincké (Ruské) gymnázium Prešov. 70 rokov. Пряшів-Prešov, 2006. S. 5–41.*

изведения русских писателей, в частности А. С. Пушкина²⁴. Вместо межвоенных, закрытых новыми властями периодических изданий для русинов, на русском языке выпускалась проправительственная газета «Новое время»²⁵. Правда, компетентные органы не позволили местным активистам основать Карпаторусскую партию, кроме этого постоянно оказывалось давление на популяризовавшие русскость учебные заведения, находившиеся в ведении Греко-католической церкви²⁶. Примечательно, что когда в 1943 г. русинские антифашисты основали свой тайный орган, они назвали его «Карпаторусский автономный совет национального освобождения» (сокращенно КРАСНО)²⁷.

В марте 1945 г., уже после освобождения региона, в Пряшеве был создан так называемый Украинский народный совет Пряшевщины. Несмотря на то, что это был первый случай у русинов Словакии, когда в название организации попало слово *украинский*²⁸, Совет не имел окончательного представления об этнической принадлежности жителей края и, вопреки своему названию, состоял преимущественно из русофилов. Появились и другие по названию украинские учреждения (Украинский национальный театр и т. д.). Однако данная украинизация носила непродуманный, формальный характер. Исследователь Людовит Гараксим отмечал:

«Nemalým prekvapením pre súčasníkov, ktorí poznali rusínske pomery, muselo byť to, že sa na čelo týchto inštitúcií dostali často i ľudia, ktorí boli z predchádzajúcej svojej činnosti známi jednoznačným protiukrajinským postojom. Ďalším prekvapením pre nich bolo, že tieto za ukrajinské označované inštitúcie mali iba náter ukrajinský a že ich kreátori a reprezentanti spisovnú ukrajčinu neovládali a komunikovali iba v rusiniyovanej ruštine»²⁹.

Важно отметить, что народное русофильство подпитывалось, как никогда, победой СССР («русских») в войне. Укратиофильство было непопулярно и из-за деятельности Украинской повстанческой армии, оставившей дурную славу у русинского населения. Этноним *украинец* воспринимался синонимом слова *бандеровец*³⁰.

Согласно официальной статистике в 1948–1949 гг. в Восточной Словакии насчитывалось 43 детских сада, 276 начальных школ, 38 неполных и 6 полных средних школ с преподаванием на русском языке. Общее количество учащихся составляло 23 112 человек³¹.

Как отмечает современный исследователь преподавания русского языка в Словакии Иосиф Бача, «tradície hovoriť v internátoch a v škole medzi sebou ruským jazykom sa

²⁴ Šelepec J. Rusínske a ukrajinské tlače 1939–1944. Prešov, 1995. S. 10.

²⁵ См. об этом издании: Hlavinka J. Týždenník «Novoje vremja» ako prejav rusínskej otázky v rokoch 1940–1944 // Pamäť národa. 2008. № 3. S. 4–16.

²⁶ Konečný S. Rusínska otázka v období prvej Slovenskej republiky // Slovenská republika (1939–1945) / Red. J. Bobák. Martin, 2000. S. 176.

²⁷ Ibid. S. 179.

²⁸ Магочій П. Р. Русины на Словенську... С. 46. — Любопытно, что в некоторых русскоязычных публикациях, относящихся к периоду активной деятельности Совета, данная организация называется просто Национальный Совет Пряшевщины.

²⁹ Haraksim L. Národnostná identita Rusínov na východnom Slovensku // Haraksim L. (ed.). Národnosti na Slovensku. Bratislava, 1993. S. 75.

³⁰ Мушинка М. Післявоєний розвиток регіональної культури русинів-українців Чехо-Словаччини // Тривалість регіональних культур. Русини і українці на їхній карпатській батьківщині та за кордоном / Упорядник П. Р. Магочій. Нью-Йорк, 1993. С. 53.

³¹ Капишовський В. Мрії і дійсність. Пряшів, 1988. С. 156.

zachovali aj po r. 1945 na ruských gymnáziách na východnom Slovensku»³². Атмосферу, царившую в среде учащейся русинской молодежи, эмоционально описал в своих воспоминаниях известный фольклорист, в конце 40-х гг. ученик новой Русской гимназии в Гуменном, Михаил Гиряк (1933–2007):

«Вшитко українське нам було чужде. Чужім нам було вшитко, окрем руського, окрем руськості. За руськість були охотны штуденты і голову зложити. Такий дух до нас вселили за дость куртый час. Руськість і советськість до нас наганяли не через факті, не через познання, а через чутя. Вшитко руське было велике, найбівше на світі, вшитко остатне — мале, або таке, што ся скоріше, або нескоріше мусить подобати руськості. Великорусський шовінізм таким способом проникнув до каждой жылкы скоро каждого штудента»³³.

Хотя о русинах официально иногда говорилось как об украинцах, в прессе, национальном образовании и культурной жизни безоговорочно доминировал русский язык. В широких массах закреплялось именно русское, а не украинское самосознание. Данный период справедливо считается своеобразным пиком русофильства в истории русинов Словакии. Поэтому, если бы национально-культурная жизнь развивалась естественным путем, к сегодняшнему дню вряд ли мы имели бы нынешний русинофильско-украинофильский дуализм.

Положение дел радикально изменила административная украинизация, проводившаяся в 50-х гг. параллельно с коллективизацией и декатолизацией. В 1950 г. в приказном порядке применительно к русинам Словакии было запрещено употреблять этнонимы *русин* и *русский*. В 1952 г. на основе постановления президиума ЦК КПС русский язык в учебных заведениях был в кратчайшие сроки заменен на украинский. Вместо Украинского народного совета Пряшевщины была создана принципиально новая организация — Культурный союз украинских трудящихся, который вплотную занялся распространением украинской идентичности среди русинов. Примечательно, что даже местные украинофилы в значительной степени признают отрицательные аспекты проведения украинизации, негативно отразившиеся на численности всего русинского меньшинства³⁴.

Русофильская интеллигенция в значительной степени перешла на украинофильские позиции. При этом, конечно же, иногда остаются сомнения в искренности подобной радикальной смены. Но были и иные примеры. В случае таких видных русофилов, как Андрей Карабелеш (1906–1964), Георгий Геровский (1886–1959), Степан Добош (1912–1978), наиболее удачно замечание П. Р. Магочия о том, что

³² *Vača J.* Postavenie a vyučovanie ruského jazyka na Slovensku v rokoch 1918–1945 // *Ruský jazyk a literatúra na Slovensku po roku 1918. Zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie rusistov.* Prešov, 1997. S. 16.

³³ *Гиряк М.* Школа — животный интерес Русинів. Руська гімназія — абсолютно ангажований суб'єкт (12) // *Народны новинкы.* 1999. Р. IX. № 10–11. С. 3.

³⁴ В то же время у украинизации 50-х гг. имеются и отдельные пламенные защитники. См., например: *Ванат І.* До питання про так звану українізацію русинів Пряшівщини // Додаток до газети «Нове життя», №№ 50–51/1993 р. Б. м., б. г. — Точка зрення І. Ваната, подобно воззрениям других местных украинофилов, основывается на непоколебимой вере в то, что «перехід від руськості до українськості — це природний історичний процес, позначений в карпатському регіоні різними перипетіями» (Там же. С. 7). Однако И. Ванат пошел дальше, утверждая, что «твердження... ніби “українізація” на Пряшівщині в 50-х роках була насаджена чехо-словацькою комуністичною владою, що ставила за мету змінити адміністративним шляхом національну ідентичність русинів, не має під собою поважних підстав» (Там же. С. 6–7).

«їх неохота змінити ся на Українців лімітовала їх роль»³⁵. Отдельные несогласные с украинизацией, как, например, педагог Алексей Фаринич (1911–1991), даже подверглись репрессиям³⁶. «На Пряшевской Руси полный хаос и неразбериха. Движение украинских сепаратистов усилюется, тенденция восстановления русских школ подавляется»³⁷, — в 1968 г. оставалось жаловаться редакции американской газеты «Карпатска Русь» известному русофильскому деятелю Ивану Шлепецкому (1907–1976). Правда, положение последнего отличалось тем, что он проживал не в Восточной Словакии, а в Праге, однако живо интересовался судьбами своей малой родины³⁸.

* * *

Любопытно, что, несмотря на длительную украинизацию и усилившуюся вследствие нее естественную словакизацию русинов Словакии, в какой-то степени русофильство сохранялось крайне узким кругом интеллектуалов вплоть до наших дней. Начиная с 90-х гг. XX в., параллельно с легализацией русинофильства, дали о себе знать и пожилые хранители старых русофильских традиций. Например, исследователь русинского меньшинства в Словакии Марианн Гайдош приводит следующие названия малоизвестных русофильских организаций, на короткий час привлечших к себе внимание в те годы: «Spoločnosť Rusínov-Karpatorusov» (SRUKA), «Spolok Karpatoruských žien», «Asociácia Karpatorusov»³⁹. К сожалению, нам ничего неизвестно об их дальнейшей судьбе.

Однако, в отличие от русинофилов, успешно презентовавших себя как жертв тоталитарного режима, идеологический багаж русофилов с его ориентацией на тогда особенно непопулярный русский язык, стремительно исчезающий из чехословацких школ, был востребован менее всего. В то же время, еще в 1994 г. П. Р. Магочий полагал, что значительная часть из записавших себя в Словакии русскими во время чехословацкой переписи 1991 г. (всего 1624 человека) — это русины⁴⁰.

Одним из главных идеологов неорусофильства выступил кошичанин Андрей Дрибняк (1918–1999)⁴¹, физик и математик по профессии, стоявший у истоков воз-

³⁵ Магочій П. Р. Русини на Словенську. С. 50.

³⁶ См. об этом: Кузмякова А. Жертва українзації (Присвячено 90. річчю з дня народження і 10. річчю з дня смерті Алексея Фаринича) // Русинський народний календар на рік 2001 / Зоставителі М. Гиряк, А. Зозуляк. Пряшів, 2000. С. 167–172.

³⁷ Карпаторусский календарь Лемко-Союза на год 1969. Юнкерс, Н. Й., б. г. С. 35.

³⁸ См. о нем: Бескид Г. Др. Иван Шлепецкий (9.4.1907 – 9.10.1976) // Русинський народний календар на рік 2002 / Зоставитель А. Зозуляк. Пряшів, 2001. С. 70–71.

³⁹ Gajdoš M. Rusíni a Ukrajinci na Slovensku v procese transformácie spoločnosti (stav výskumu) // Národ a národnosti na Slovensku. Stav výskumu po roku 1989 a jeho perspektívy. Prešov, 2004. S. 147–148. — Мы специально привели названия этих организаций в словацкой транскрипции, так как их точное русскоязычное написание нам просто неизвестно.

⁴⁰ Магочій П. Р. Русини на Словенську. С. 7, 65.

⁴¹ См. о нем: Бескид Г. Андрій Дрибняк (19.7.1918 – 14.12.1999) // Русин. 2000. № 1–2. С. 15. — Фанатичность его русофильства характеризует следующий факт, относящийся к периоду преподавания А. Дрибняка в гуменнской Русской гимназии. Так, если кто-нибудь из учеников в его присутствии говорил на родном диалекте, а не на русском литературном языке, Дрибняк требовал от ребенка штраф в пять крон. Согласно воспоминаниям М. Гиряка, для учащихся это была очень серьезная сумма (Гиряк М. Школа — животный интерес Русинів. Як ем Ірину Івановну перевів через ріку Лаборець (10) // Народны новинки. 1999. Р. ІХ. № 4–5. С. 3).

рожденных организаций — «Русский клуб–1923» и «Общество имени Духновича» (возникших в качестве противовеса почти одноименным украинофильским организациям, появившимся под известными русофильскими брендами в конце 1990 г.). А. Дрибняк подготовил сотни размноженных экземпляров собственных машинописных статей по истории и культуре русинов, а также текстов из ранее вышедших русофильских изданий. Кроме русинистических работ Дрибняк, активно переписывавшийся с русскими националистами в России и США, также распространял антииудейские, антимаасонские, антиэкуменические и другие радикальные тексты. Они выходили под грифом некоего «клуба любителей истории русского народа в Карпатах “ЛЕОПАРД – Р(А,О)УС” при РКП обществе им. А. В. Духновича». Подобные шаги Дрибняка лишь усугубляли маргинальный характер неорусофильства в глазах наблюдателей. Показательно, что лишь одна подготовленная А. Дрибняком машинописная брошюра — «Татьяна Федоровна Аристова: сборник статей» — была включена П. Р. Магочим в его авторитетную библиографию «Carpatho-Rusyn Studies. An Annotated Bibliography»⁴².

После кончины А. Дрибняка и еще нескольких активистов старшего поколения, в частности Михаила Бобака и Ивана Ковача (1912–2002)⁴³, национально-языковая политика клуба и общества перестала идти в подчеркнута русофильском фарватере, начав активно сближаться с русинофильскими организациями. Одной из объединяющих практических целей было возвращение принадлежавшего старому Русскому клубу «Русского дома» в Пряшеве (ул. Главная, д. 62)⁴⁴, который находился под контролем украинофильских организаций. Несколько выходя за избранные хронологические рамки, нужно отметить, что в 2002 г. данное здание действительно было передано Русскому клубу–1923. Однако в скором времени и Русский клуб–1923, и Русское культурно-просветительное общество имени А. Духновича распались на две враждующие группировки, которые одинаково считают себя истинными легитимными организациями и отказывают друг другу в легитимности.

Интересно, что ни группа Гавриила Бескида, ни контролирующая до настоящего времени «Русский дом» группа Стефана Секерака не являются последовательными русофилами. Если первые активисты окончательно примкнули к русинофилам, войдя в Словацкую ассоциацию русинских организаций и заменив в названии своего общества слово *русское* на *русинское*, то вторые практически не имеют единой национально-языковой программы, и объединены преимущественно задачами удержания в своих руках «Русского дома».

В то же время именно во второй группе еще есть несколько пожилых русофилов, которые, правда, не играют заметной роли в национально-культурной жизни. Один из них, кошицкий инженер Павел Бирчак, выступил в 2004 г. на страницах

⁴² Magocsi P. R. Carpatho-Rusyn Studies. An Annotated Bibliography. Vol. III: 1995–1999. New York, 2006. P. 65. № 214.

⁴³ См. о нем: *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2006. С. 214–215.

⁴⁴ Об истории этого ставшего почти что легендарным здания см.: *Крушко С.* Наш «Русский Народный Дом» — ювілейний // Голос Карпат. 1993. № 3. С. 2; *Бескид Г.* Історія Дому Русинів (Руський дом, оснований 17.6.1925) // Русинський народний календар на 2005 рік / Зоставитель А. Зозуляк. Пряшів, 2004. С. 93–97.

газеты «InfoРусин» с предложением ввести в качестве общерусинского языка русский литературный язык⁴⁵. Естественно, после ухода А. Дрибняка русофильская ориентация лишилась какой бы то ни было самостоятельной издательской деятельности. Отсутствует не только молодежь, но и люди среднего возраста.

Когда в 2002 г. группа ученых во главе с координатором проекта, общественным деятелем Яном Липинским, проводила социологическое исследование «Sebareflexia postavenia a vývoja Rusínov na Slovensku», получилось, что только 3 человека (0,9 %) из 332 респондентов отнесло себя к карпаторусам⁴⁶, а 9 (2,7 %), отвечая на вопрос о русинском этногенезе, признало русинов самой западной частью русского народа⁴⁷. При этом не исчезает подозрение, что эти респонденты и являются теми самыми последними русофилами из Русского клуба–1923 и Русского культурно-просветительского общества имени А. Духновича.

* * *

Не претендуя на полноту изложения, постараемся ответить на вопрос, какую же роль играла русофильская ориентация в национально-культурной жизни русинов Словакии в прошедшем столетии. На наш взгляд, в течение XX в. русофильство в среде словацких русинов пережило стабильное развитие в межвоенный период, некоторое сбавление темпов в период Словацкого государства и усиленный рост в первые послевоенные годы. Несмотря на неоднократную смену политических режимов, русофильские традиции по сути оставались непрерывными, лишь накапливая и укрепляя свой потенциал, усиленный победой Советского Союза во Второй мировой войне. Административная украинизация в значительной степени перечеркнула достижения русофильства, однако не смогла полностью вывести его из интеллектуального пространства. В начале 90-х гг. XX в. пожилые русофилы вновь попытались выйти на национально-культурную сцену, но политическая атмосфера не позволила им развернуть активную деятельность. Вследствие этого русофильство постигла окончательная маргинализация. Таким образом, за неполное столетие эта идеология проделала сложный путь от доминирующей до утратившей почти всякое влияние.

Summary

The paper deals with the problem of the place of the so-called Russophilism in the Rusyns' national-cultural life in Slovakia in the 20th century. The Russophilism of Slovakia's Rusyn national leaders differed greatly from Russophilic tendencies among other nations. In fact Rusyn Russophilism in Slovakia, the first manifestations of which can be found before 1848, was as «legitimate» national-linguistic orientation of the Rusyn national movement as Ukrainophilism and Rusynophilism. The Russophilism was dominating national-linguistic orientation of the Rusyns of Slovakia in interwar

⁴⁵ Бирчак П. Необходимость общего языка для всех Русинов // InfoРусин. 2004. № 7–8. С. 11. См. также критические отзывы русинофилов на эту статью: Барна Ф. Чом праві русский? // InfoРусин. 2004. № 9. С. 11; Пон И. Полеміка о русиньскім языку // InfoРусин. 2004. № 11. С. 9.

⁴⁶ Sebareflexia postavenia a vývoja Rusínov na Slovensku / Koordinátor J. Lipinský. В. м., 2002. S. 32.

⁴⁷ Ibid. S. 33.

decades, in the period of the first Slovak Republic, and in the first post-war years. Only the administrative Ukrainization of 1950s has cancelled the achievements of Russophilism. At the same time it has not gone out completely from the Slovakian Rusyns' intellectual space. Already in 1990s Russophiles tried to appear on a national-cultural scene again. However they have not managed to develop the vigorous activity. This fact has led to the definitive marginalisation of Russophilism. Thus, in the 20th century this ethnonational ideology worked up a difficult way from dominating one to Utopian.